

DOI 10.15393/j9.art.2017.4542

УДК 821.161.1.09“1917/1992”

Яна Александровна Юферева*Вятский государственный университет
(Киров, Российская Федерация)*

yufereva.yana@mail.ru

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ДОБРОДЕТЕЛИ В БЕЗДУХОВНОМ СОЦИУМЕ (РОМАН О. В. ВОЛКОВА «ПОГРУЖЕНИЕ ВО ТЬМУ»)

Аннотация. Актуальность настоящего исследования обусловлена малой изученностью поэтики лагерной прозы О. В. Волкова. В статье исследована роль евангельских заповедей в определении нравственного облика человека в автобиографическом романе Волкова «Погружение во тьму» (1987): выявлены трансформации духовного состояния человека в тоталитарном государстве и в условиях лагерного заключения, проанализированы образы праведников, носителей христианских добродетелей, их место в современном писателю обществе. Евангельские заповеди представлены Волковым в романе не только как мерило духовно-нравственных качеств личности человека, политического и социального устройства, но и основание будущего духовного возрождения России. Автор раскрывает преобразование личности через обретение веры в условиях несвободы и лагерной системы, отмечает факты эволюции нравственного состояния приспособленцев и потребителей. Сюжет романа осознан писателем как крестный путь, ведущий к духовному возрождению России.

Ключевые слова: О. В. Волков, «Погружение во тьму», лагерная проза, нравственные законы, евангельские заповеди, праведники

Писатель, мемуарист, публицист Олег Васильевич Волков (1900–1996) более 27 лет провел в сталинских лагерях и ссылках. Именно там (а также в короткие промежутки между арестами) он занялся литературной деятельностью — сначала как переводчик иностранной литературы и автор заметок об охоте. С 1951 по 1994 гг. Волков опубликовал 18 книг (повести, рассказы и очерки), переводил романы Бальзака, Золя, Линдсея и др.¹. Между тем его творчество мало исследовано, в основном о нем упоминается в контексте изучения т. н. «лагерной прозы» как явления в русской литературе

(см.: [1]; [7]; [9]–[14]), практически отсутствуют исследования, посвященные поэтике произведений Волкова.

Его главная книга — автобиографический роман «Погружение во тьму», написанный в начале 1960-х гг., впервые опубликованный в Париже в 1987 г., в СССР — в 1989 г. По замечанию М. Чотчаевой, именно трагический личный опыт Волкова позволил ему не только правдиво запечатлеть ужас ГУЛАГовских застенков, но и затронуть вечные проблемы человеческого существования [15, 279]. Это произведение «объединяет конкретные описания страшной реальности следствий, лагерей и ссылок со скорбными раздумьями о связи этих преступлений с политической системой», проникнуто «христианским смирением, любовью, ответственностью за Россию и желанием, показывая истину, содействовать добру» [5]. Ни репрессии, ни официальная пропаганда, ни работа в советских издательствах не поколебали христианские ценности и добродетели Волкова. В одной из бесед на вопрос: «Что же помогло Вам тогда выжить, выстоять, какая сила?» — писатель ответил: «Православие и мое воспитание. Я упрямо держался за веру отцов» [8].

Непростой судьбе автора и испытанию его веры лагерями посвящены многие страницы «Погружения во тьму» — «тюремной одиссеи» Волкова. Бывали времена, когда он не находил утешения в вере, не видел в ней реальной силы, способной оказать сопротивление «затопившему мир злу»:

И если до этого внезапного озарения — или помрачения? — обрубившего крылья надежде, я со страстью, усиленной гонениями, прибежал к тайной утешной молитве, упрямо держался за веру отцов и бывал жертвенно настроен, то после него мне сделалось невозможным даже заставить себя перекреститься...².

Благодаря общению с людьми, не сломленными обстоятельствами, истинно верующими и праведниками, он утверждает в возможности одоления зла.

А. Н. Ефимова относит героев-праведников, как и автобиографического героя-рассказчика, к двум нравственно-психологическим типам: людям, растущим духовно, и «светильникам веры». Исследовательница так определяет первый тип:

Люди, которых страдание в условиях заключения заставляет обратить свой взор вглубь своей души, к Богу, задуматься о вечном. Это те, кто раньше жил рассеянной жизнью, не думая о смысле своей жизни, как, например, О. В. Волков, Б. Н. Ширяев, <...> Д. С. Лихачев, пройдя через горнило страданий, близость смерти, восходят на более высокий уровень развития души [4, 158].

Идти дальше по пути духовного развития этим героям помогает общение с подвижниками веры, которые относятся к наивысшему нравственно-психологическому типу — «светильников веры», праведников. Они принимают страдания не только мужественно, но безропотно и благодушно, чувствуя великую помощь Божию и видя в скорбях очищающую силу. А. Н. Ефимова отмечает, что «светильников веры» от других заключенных отличает внутреннее спокойствие, исходящая от них радость, умение поддержать добрым словом других заключенных, общение с ними меняет мировоззрение и «жизнь кажется светлее» [3, 10]. К этой группе исследовательница относит, в первую очередь, священнослужителей, отбывавших срок на Соловках, — например, Илариона Троицкого и святителя Луку (Войно-Ясенецкого) [4, 158–159]. Также к этой группе можно отнести образ вятского епископа Виктора (Островидова), которого Волков в романе «Погружение во тьму» выделяет в галерее персонажей-священнослужителей, говорит о нем как о выдающемся, стойком человеке, наделенном душевной теплотой и умением утешать, вселять надежду (см. подробнее: [16]).

В романе Волкова наряду с прославленными священнослужителями к подвижникам веры примыкают и простые верующие: старцы-священники, православные девушки, истощенные, измученные сектанты. На фоне физической немощи еще острее проявляется их нравственная сила:

...эти несчастные «христосики» — темные по знаниям, но светлые по своей вере, недосыгаемо вознесенные ею. Замученные и осмеянные, хилые, но способные принять смерть за свои убеждения (68).

Всех их отличает стойкость, внутреннее достоинство, способность любить и сострадать. Именно милосердие «таких безвестных и немощных маленьких людей <...>, пытавшихся

помочь и спасти, когда и самим было впору искать путей спасения» (249), становится в художественной системе Волкова мерилом нравственной ценности человека.

Советская мораль отринула сострадание как ненужное в социалистическом обществе чувство, и этим, по мысли писателя, система сама обрекла себя на гибель:

Проповедовались классовая ненависть и непреклонность. Поощрялись донос и предательство. Высмеивались «добренькие». Были поставлены вне закона терпимость к чужим мнениям, человеческое сочувствие и мягкосердечие. Началось погружение в пучину бездуховности, подтачивание и разрушение нравственных устоев общества. Их должны были заменить нормы и законы классовой борьбы, открывшие путь человеконенавистническим теориям, породившим фашизм, плевели зоологического национализма, расистские лозунги, залившие кровью страницы истории XX века (10–11).

Незадолго до смерти Волков утверждал: «Все жестокости общества — это результат долговременного воспитания людей в духе решимости, неумолимости»³.

В повествовании неоднократно противопоставляются «пролетарская» мораль и христианская нравственность:

Совесьть и представление о грехе и греховности сделались отжившими понятиями. Нормы морали заменили милиционеры. Стали жить под заманивающими лживыми вывесками. И привыкли к ним. Даже полюбили. Настолько, что смутьянами и врагами почитаются те, кто, стремясь к истине, взывает к сердцу и разуму, смущая тем придавивший страну стойловый покой (11).

В романе приводятся свидетельства того, что истинно верующие люди оказывались изгоями в тоталитарном обществе. Как исключительный случай воспринимается автором судьба Преосвященного Луки, епископа самаркандского и одновременно известного хирурга профессора Войно-Ясенецкого, которому удалось и в государственной больнице исполнять православные обычаи и обряды. От преследований советской власти епископа уберегло его мастерство хирурга.

Такие традиционные христианские добродетели, как любовь к ближнему, сострадание, милосердие, совесть, истина,

в современном автору мире оказались вне закона. Их заменили бдительность, непримиримость, нетерпимость к классовым и идеологическим врагам, жестокость. Более того, государство требовало от граждан нарушения библейских заповедей — лжесвидетельств, убийств, предательства родителей; человек нового общества был обязан помогать органам НКВД формировать многочисленные «дела», требовать смерти для обвиненных, ликовать при вынесении смертного приговора, отрекаться от родителей, объявленных «врагами народа».

Символом забвения веры становится в романе «Погружение во тьму» пустая церковь, в которой теплится лишь несколько лампадок, готовых погаснуть от легкого дуновения ветра:

От мириад свечей православной церкви осталось гореть всего несколько бессильных огоньков... (147).

В разоренных церквях собираются на тайные богослужения последние немногочисленные верующие, каждую минуту опасаясь ареста. Подвигом веры в условиях лагеря становится для священнослужителей исполнение своего долга, а для простых мирян — смелость прийти на службу. Тайные богослужения были поддержкой для запуганных людей. Волков описывает одну из таких служб в Соловецком лагере:

Там, на небольшой полянке, укрытой молодыми соснами, собиралась кучка верующих. Приносились хранившиеся с великой опаской у надежных и бесстрашных людей антиминс и потребная для службы утварь. Отец Иоанн надевал епитрахиль и фелонь, мятую и вытертую, и начинал вполголоса. Возгласия и тихое пение нашего робкого хора уносились к пустому северному небу; их поглощала обступившая мшарину чаща...

Страшно было попасть в засаду, мерещились выскакивающие из-за деревьев вохровцы — и мы стремились уйти всеми помыслами к горним заступникам. И, бывало, удавалось отрешиться от гнетущих забот. Тогда сердце наполнилось благодатным миром, и в каждом человеке прозревался брат во Христе (9).

Православная церковь в романе предстает оплотом добродетели. Упадок нравственности в обществе автор связывает с гонениями на религию:

Борьба с церковью привела к падению нравственности, добрых, братолюбивых чувств. Христианские добродетели вытравлялись всеми силами. В людях развивались корысть, жажда материальных благ, не умеряемая никакими этическими соображениями. «Посеешь ветер — пожнешь бурю»... В этих словах Священного Писания — истина. Нельзя безнаказанно отрешать народ от добродетелей⁴.

Нравственность хранят верующие. Один из наиболее ярких примеров подвижнического поведения — судьба Ксении, дочери известного московского протоиерея Николая Пискановского, преследуемого властью. Девушка «не знала покойного, безопасного времени». На ее долю выпало немало испытаний: рано потеряв мать, она нянчила младшего брата, носила передачи отцу в тюрьму, навещала его в ссылке. Несмотря на пережитые беды, Ксения не утратила способности радоваться жизни, верить в добро и утешать других. Один ее вид вселял в людей надежду. Не будучи красавицей от природы, девушка будто светилась, а ее лицо, «чистое, юное и доброе», улыбалось. Внешняя некрасивость Ксении становилась незаметной — такова была «сила присущего ее лицу выражения. Выражения высшей человечности» (263–264).

Часто женщины оказываются нравственно выше мужчин. Воспитанные в одной семье брат и сестра Самарины занимают противоположные нравственные позиции: у Юрия «не было и сотой доли спокойного мужества сестры», из страха он становится осведомителем; Лиза же «едва не с пятнадцати лет взялась за полные тягот и опасностей обязанности связной. С монашками из разогнанных монастырей и верующими женщинами стала ездить по России с одеждой и деньгами, тайно жертвуемыми заточенным и сосланным духовным лицам. И — по стопам воспетых русских женщин — последовала за отцом в якутскую ссылку» (84).

В образах женщин-подвижниц автор видит опору нравственности и будущего духовного возрождения страны. Их сострадание и мужество разрушали «воздвигнутую систему насилия» и помогали «разобраться в удушливом тумане напущенной лжи»:

Такие девушки, верующие, самоотверженные, бросали вызов самой сути порядков, опровергали идеологию власти. И при всей своей смиренности и слабости они составляли невидимый становой хребет сопротивления отлучению народа от нравственных устоев. Их пособничество «врагам народа» не только помогало кому-то выжить и спастись, но и оказывало свое тайное действие примера и укора малодушным. Им боялись подражать, но пример их запоминался.

<...> Поповна Ксения и Лиза Самарина, тысячи и тысячи других верующих русских женщин были светом и истиной в непроглядной ночи ленинско-сталинских гонений. И если России суждено когда-нибудь возродиться — в основании ее будет и подвиг этих православных подвижниц (264).

Таким образом, по мнению Волкова, в основе любого политического и социального устройства должны лежать непреложные евангельские истины, определяющие нравственные законы социума:

Если и оспаривалось в разные времена право Церкви на власть в мире и преследование инакомыслия, то никакие государственные установления, социальные реформы и теории никогда не посягали на изначальные христианские добродетели. Религия и духовенство отменялись и распинались — евангельские истины оставались неколебимыми (10).

Для писателя возрождение России возможно только при условии духовного преображения нации, которая должна отказать от ложной морали и вновь следовать евангельским истинам. Решающая роль в этом преображении принадлежит сообществу верующих как оплоту христианских добродетелей. Его могущество не в количестве последователей, а в их духовной силе, способности вдохновлять и созидать. Устами ссыльного епископа Иллариона Волков выражает мысль о стойкости:

— Без этой веры жить нельзя. Пусть сохраняются хоть крошечные, еле светящиеся огоньки — когда-нибудь от них все пойдет вновь (90).

Е. Гладкова справедливо заметила: «Хождение по кругам ада сталинских лагерей — это, конечно, “погружение во тьму”. Но авторский взор различает во тьме Соловецкого лагеря

сияние и святости, и подвига современных ему мучеников» [2, 179]. Об этой силе света в книге Волкова пишет Н. Крупина:

...погружаясь во тьму жизни, а вернее — во тьму смерти, о которой поведал писатель, заражаешься силой его духа, волей автора. От страницы к странице ты, как это ни кажется невероятным, совершаешь восхождение к свету: тебе открывается смысл истинного подвижничества, жертвенности. Этот смысл для автора и дорогих его сердцу героев в любви к Богу, к людям, к жизни, какой бы трудной она ни была, в стремлении сохранить в себе человека даже на самом мученическом пути, творить добро, даже когда оставляют последние силы [6, 57].

Эпоху гонений на Церковь и верующих Волков оценивает как крестный путь народа, ведущий через страдания к духовному очищению. Эту же идею высказывает один из героев «Погружения во тьму» — ссыльный священник Михаил Митроцкий:

Ниспосланное испытание укрепит веру. Слабые и малодушные отпадут. Зато те, кто останется, будут ее опорой, какой были мученики первых веков (77).

В поздних суждениях Волков связывал духовное возрождение нации с усилением влияния верующих людей:

Сейчас создались условия, при которых они могут увлечь своим примером и призывами слепых и спящих — всеми способами расшатывать чудовищное нагромождение зла и лжи, порожденных 70-ю годами царствования насилия и невежества. <...> И мне, обнадеженному личной судьбой, хочется думать: пришло время нашему народу сойти с крестного пути и обрести вновь Бога, Любовь и Свободу⁵.

По мнению писателя, для того чтобы восстановить евангельские заповеди в народном сознании, «нужно очень последовательно и умело, отбросив диктат и прибегая к сердечному слову, славить и возвеличивать породившие эти понятия христианское человеколюбие и проповедь добра»⁶. Отсюда тот нравственно-философский накал, сила противостояния и вера в торжество добродетели, которые отличают роман Волкова.

Таким образом, евангельские заповеди в романе Волкова «Погружение во тьму» являются мерилем духовно-нравственных качеств личности и одновременно основой рационально-политического и социального устройства. В условиях тоталитарного общества, в обстоятельствах несвободы происходит регрессивная нравственная трансформация, противостоять которой можно, только прибегнув к вере. Оплотом христианских добродетелей в романе становятся праведники: священники, верующие, люди, которых страдание нравственно возвышает, заставляет обратиться к Богу. Трагедия современного общества, по мысли писателя, состоит в том, что праведники вытеснены из социума, подвержены гонениям и насмешкам. Однако автор высказывает надежду на будущее духовное возрождение государства, трактуя современное забвение духовных основ как временное помрачение сознания, тьму, ведущую к свету. Возможность «одолимости зла» Волков утверждает в образах праведников, противопоставивших «затопившему мир злу» милосердие. Пробуждение милосердия, доброты к ближнему в душах отдельных людей — первая ступень к возведению христианских истин в ранг основных законов социального и политического устройства.

Примечания

- ¹ См.: Волков Олег Васильевич // Писатели Енисейской губернии и Красноярского края: справочник. Красноярск: Растр, 2015. С. 70–71; [4].
- ² Волков О. В. Погружение во тьму: из пережитого / вступ. ст. Л. Виноградова. М.: Братство святого апостола Иоанна Богослова, 2014. С. 8. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.
- ³ Волков О. В. «И загуляли гибельные ветры»: интервью с О. В. Волковым, автором книги «Погружение во тьму» / записал В. Галайко // Советский воин. 1991. № 3. С. 26.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Волков О. В. «Я уцелел, чтобы свидетельствовать, и должен быть достоин этого предназначения»: беседа с писателем О. В. Волковым накануне его 90-летия / записала О. Окуджава // Литература в школе. 1991. № 5. С. 50.
- ⁶ Там же. С. 49.

Список литературы

1. Васильева О. В. Эволюция лагерной темы и ее влияние на русскую литературу 50–80-х годов // Вестник Санкт-Петербургского университета. — Сер. 2. — 1996. — Вып. 4. — С. 54–63.
2. Гладкова Е. В. Символика света в изображении Соловков // Вестник Пермского государственного университета. — 2011. — Вып. 3 (15). — С. 175–180.
3. Ефимова А. Н. Образы подвижников веры в автобиографической лагерной прозе XX века // Научный вестник Крыма. — 2017. — № 5 (10). — С. 1–11.
4. Ефимова А. Н. Типология личностей в лагерной прозе Б. Н. Ширяева, О. В. Волкова, Д. С. Лихачева // Культура и цивилизация. — 2016. — № 2. — С. 155–163.
5. Казак В. Волков // Лексикон русской литературы XX века. — М.: РИК «Культура», 1996. — С. 85.
6. Крупина Л. Н. «Я живу, чтобы свидетельствовать!» // Крупина Л. Н., Соснина Н. А. Сопричастность времени: кн. для учителя. — М., 1992. — С. 57–59.
7. Малова Ю. В. Становление и развитие «лагерной прозы» в русской литературе XIX–XX вв.: дис. ... канд. филол. наук. — Саранск, 2003. — 236 с.
8. Маршкова Т. Сквозь век пронес он дух великоросса // Волков О. Москва дворянских гнезд. Красота и слава великого города, пережившего лихолетья [Электронный ресурс]. — URL: https://bookz.ru/authors/oleg-volkov/moskva-d_160/1-moskva-d_160.html (15.06.2017).
9. Минералов А. Ю. «Каторжно-лагерная» сюжетно-образная традиция в русской прозе XX века // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2012. — № 18. — С. 106–112.
10. Петелин В. В. Лагерная литература. Погружение во тьму в поисках света // Петелин В. В. История русской литературы XX века (1953–1993). — М.: Центрполиграф, 2013. — Т. II. — С. 142–151.
11. Сафронов А. В. После «Архипелага» (поэтика лагерной прозы конца XX века) // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. — 2013. — № 3 (40). — С. 139–154.
12. Сохряков Ю. И. Нравственные уроки «лагерной прозы» // Москва. — 1993. — № 1. — С. 175–183.
13. Старикова Л. С. «Лагерная проза» в контексте русской литературы XX века: понятие, границы, специфика // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2015. — № 2–4 (62). — С. 169–174.
14. Тимофеев Л. И. Поэтика «лагерной прозы» // Октябрь. — 1991. — № 1. — С. 182–195.
15. Чотчаева М. Ю. Произведения «о каторге и ссылке» как памятник человеческой несвободе // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 13 дек. 2015 г.) / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. — Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. — С. 275–279.

16. Юферева Я. А. Вятский епископ Виктор Островидов в воспоминаниях О. Волкова (период заключения в Соловецком лагере особого назначения, 1928–1929 гг.) // Региональная литература: проблемы изучения и функционирования: сборник материалов / сост. и науч. ред. Е. О. Галицких, В. А. Поздеев. — Киров, 2017. — С. 86–91.

Yana A. Yufereva

*Vyatka State University
(Kirov, Russian Federation)*

yufereva.yana@mail.ru

**EVANGELICAL COUNSELS
IN THE MATERIALISTIC SOCIETY
(BASED ON OLEG VOLKOV'S NOVEL
"SINKING INTO DARKNESS")**

Abstract. The significance of this research paper derives from the little coverage of the poetics of Volkov's prison camp prose. The article deals with the analysis of the role of the Evangelical Counsels in forming of the moral image of a Soviet citizen and the ideology of the socialist system in Oleg Volkov's autobiographic novel "Sinking into Darkness" (1987). The research paper examines the peculiarities of transformation of human's spiritual state under conditions of the totalitarian system and camp confinement. The images of righteous men, bearers of Christian virtues, their place and function in the society of that time are analyzed. It has also been ascertained that the Evangelical Counsels are represented by Volkov as the most important base of any political and social system, as a measure of human spirituality and a reason for country's spiritual renovation, the crucial role in which belongs to the community of believers. Some positive experience of familiarization with the moral ups under conditions of the unfreedom of a totalitarian society, more specifically the prison camp can be fixed. This historical movement is defined as the Way of the Cross, which leads to the spiritual renovation of Russia.

Keywords: "Sinking into Darkness", prison camp prose, moral laws, Evangelical Counsels, righteous men, Oleg Volkov

References

1. Vasil'eva O. V. Evolution of the Prison Camp Theme and Its Influence on Russian Literature of the 1950s and 1980s. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2* [*Vestnik of Saint Petersburg University. Series 2*], 1996, issue 4, pp. 54–63. (In Russ.)
2. Gladkova E. V. Symbols of Light in the Image of Solovki. In: *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Perm State University Bulletin*], 2011, issue 3 (15), pp. 175–180. (In Russ.)

3. Efimova A. N. Images of the Ascetics of Faith in the Autobiographical Prison Camp Prose of the 20th Century. In: *Nauchnyy vestnik Kryma [Scientific Journal of the Crimea]*, 2017, no. 5 (10), pp. 1–11. (In Russ.)
4. Efimova A. N. Typology of Personalities in the Prison Camp Prose by B. N. Shiryayev, O. V. Volkov, D. S. Likhachev. In: *Kul'tura i tsivilizatsiya*, 2016, no. 2, pp. 155–163. (In Russ.)
5. Kazak V. Volkov. In: *Kazak V. Leksikon russkoy literatury XX veka [Kazak V. Lexicon of Russian Literature of the Twentieth Century]*. Moscow, RIK "Kul'tura" Publ., 1996. P. 85. (In Russ.)
6. Krupina L. N. "I Live to Testify!" In: *Krupina L. N., Sosnina N. A. Soprichastnost' vremeni [Complicity of Time]*. Moscow, 1992, pp. 57–59. (In Russ.)
7. Malova Yu. V. *Stanovlenie i razvitie «lagernoy prozy» v russkoy literature XIX–XX vv. Dis. ... kand. filol. nauk [Formation and Development of the "Prison Camp Prose" in Russian Literature of the 19th–20th Centuries. PhD. philol. sci. diss.]*. Saransk, 2003. 236 p. (In Russ.)
8. Marshkova T. He Retained the Spirit of the Great Russian Through the Century. In: *Volkov O. Moskva dvoryanskikh gnezd. Krasota i slava velikogo goroda, perezhivshego likholet'ya [The Moscow of Nests of Gentlefolk. The Beauty and Glory of the Great City Survived During Hard Times]*. Available at: https://bookz.ru/authors/oleg-volkov/moskva-d_160/1-moskva-d_160.html (accessed 15 June 2017). (In Russ.)
9. Mineralov A. Yu. The "Convict Prison and Camp" Plot and Image Bearing Tradition in Russian Prose of the 20th Century. In: *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2012, no. 18, pp. 106–112. (In Russ.)
10. Petelin V. V. Prison Camp Literature. Sinking into Darkness in Search of Light. In: *Petelin V. V. Istoriya russkoy literatury XX veka (1953–1993) [History of Russian Literature of the 20th Century (1953–1993)]*. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2013, vol. 2, pp. 142–151. (In Russ.)
11. Safronov A. V. After the "Archipelago" (The Poetics of the Prison Camp Prose of the End of the 20th Century). In: *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina [The Bulletin of Ryazan State University Named for S. A. Yesenin]*, 2013, no. 3 (40), pp. 139–154. (In Russ.)
12. Sokhryakov Yu. I. Moral Lessons of the "Prison Camp Prose". In: *Moskva*, 1993, no. 1, pp. 175–183. (In Russ.)
13. Starikova L. S. "Prison Camp Literature" in the Terms of Russian Literature of the 20th Century: Concept, Limits, Specificity. In: *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2015, no. 2–4 (62), pp. 169–174. (In Russ.)
14. Timofeev L. I. The Poetics of the "Prison Camp Prose". In: *Okt'yabr'*, 1991, no. 1, pp. 182–195. (In Russ.)
15. Chotchaeva M. Yu. Works "About Penal Servitude and Exile" as a Monument to the Human Unfreedom. In: *Nauka, obrazovanie, obshchestvo: tendentsii i perspektivy razvitiya: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Science, Education, Society: Trends and Development Prospects:*

- Materials of the International Scientific and Practical Conference*]. Cheboksary, Tsentr nauchnogo sotrudnichestva “Interaktiv plyus” Publ., 2015, pp. 275–279. (In Russ.)
16. Yufereva Ya. A. Vyatka Bishop Victor Ostrovidov in the Memoirs of O. Volkov (the Period of Imprisonment in the Solovki Special Purpose Camp, 1928–1929). In: *Regional'naya literatura: problemy izucheniya i funktsionirovaniya: sbornik materialov* [Regional Literature: Problems of Study and Functioning: Collection of Materials]. Kirov, 2017, pp. 86–91. (In Russ.)